

28 апреля 1953 года в газете «Пионерская правда» — органе Центрального и Московского комитетов комсомола той поры — появилось (на первой странице!) стихотворение никому не известной школьницы Лары Кучеренко «День наш заполнен делами». Не стих, конечно, а обычный вирш, присланный десятиклассницей 609-й столичной школы с набором дежурных фраз. Тут и зеленеющая весенняя листва, и дружные ребята-одноклассники, и похвала интересным урокам наряду с ожиданием первого экзамена...

— Но, Бог ты мой, — с улыбкой вспоминает Лариса Николаевна, — какой же луч славы обжег меня тогда! Мало того, что в школе я тут же стала знаменитостью и для учеников, и для учителей, так еще и в редакцию «Пионерки» хлынул поток писем со всего Советского Союза. Сверстники звали в гости к себе — на Украину и в Молдавию, ребята из Грузии, Армении спрашивали о Москве, узбеки, белорусы предлагали знакомство и дружбу... Моя записная книжка пополнялась все новыми и новыми именами, адресами, телефонами... Вот когда я впервые осознала и поняла силу, магию, притягательность печатного слова!

Пройдут годы и десятилетия. Уже не хватит листа бумаги, чтобы просто перечислить все титулы, звания, награды, регалии Ларисы Николаевны Васильевой — поэтессы, прозаика, драматурга, автора знаменитых на весь мир бестселлеров «Кремлевские жены», «Дети Кремля», «Василиса», «Альбион и тайна времени», «Евдокия Московская»... А в ее памяти и по сей день самыми светлыми, добры-

ми, лучезарными воспоминаниями остаются именно детские годы, с их музыкальной пением, нарядами и красками, играми и запахами. А это любимые мамы духи «Красная Москва» в сочетании с горьковатым папиросным дымом сигарок «Казбек», манящие ароматы бабушкиной кухни, где булькают и шипят на сковороде сочные котлеты, сладость ирисок и разноцветных конфет-подушечек, напрочь забытых сегодня.

Домашний фотоальбом хранит облик Лары пятилетней девочкой, где она запечатлена в красивом костюмчике «в облипочку», голова увенчана белой вязаной шапочкой с двумя смешными помпончиками, в глазах — радость, удивление, присутствие открывающемуся миру.

Еще бы! Все было первым, впервые... Море живых и бумажных цветов, флаги и знамена, оркестровые марши, где самый популярный мотив — «холодок бежит за ворот», взмывающие ввысь гирлянды воздушных шаров, транспаранты во всю ширь колонн и портреты вождей; это дошкольница Лара с восторгом наблюдает первомайскую демонстрацию в центре Харькова, сидя высоко-высоко, на плечах синеглазого гиганта-отца (рост метр девяносто сантиметров), сама размахивая маленьким флажком. А неподалеку, в любимом парке имени Тараса Шевченко, сказочно переливаются водяные дуги фонтанов, в том числе «Зеркальная струя». И необозримо раскинулась громадная площадь Тевелева, о которой сами харьковчане говорят, что она по размаху вторая в мире, не уточняя, правда, где же находится первая? Наверное, это площадь Тяньаньмынь в сердце Китая — известном городе Пекине.

Почему Харьков? Там проходило ее довоенное детство: на секретном номерном заводе бывшей столицы Украины ведущим конструктором работал отец — Николай Алексеевич Кучеренко, один из создателей боевого танка Т-34. Родной, любимый человек, которому дочь со временем посвятит не только стихи, документальную и художественную прозу, а и с помощью друзей откроет вблизи своего подмосковного дома, в Мытищах, уникальный танковый музей его памяти, с легендарной «тридцатьчетверкой» во главе экспозиции. И в центре Тамбова, и в Петровском районе нашей области, где в войну родился всесоюзный героический почин — собрать средства на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», да, пожалуй, во всех регионах страны не зря стоят танки на пьедесталах. Тяжелые машины — такие же спасители Отечества и победители, как доблестные солдаты, как прославленные маршалы и генералы!

Даже крайне скупой на похвалу Верховный Главнокомандующий, отец всех народов И.В. Сталин, в лютом январе 1942 года на совещании высоких военных чинов заявил во всеуслышание, что танк Т-34 на деле показал свои хорошие качества: имеет большие мощности, везде проходит, особенно хорошо идет по снегу, а потому необходимо «раздуть выпуск танков Т-34» (дневниковые записи В.А. Малышева — в годы войны наркома среднего машиностроения СССР). Создателем мощной боевой машины, в их числе и инженеру-полковнику Н.А. Кучеренко в том же году, только в апреле была присуждена награда — Сталинская премия 1-й степени, в размере 100 000 рублей.

Таков был у красавицы-мамы, Екатерины Васильевны, муж и ее, Ларисы, отец. В годы войны он был назначен начальником конструкторского бюро Нижнетагильского «Уралвагонзавода». С задачей и сверхзадачей — как можно быстрее и больше выпускать позарез нужные фронту танки Т-34 — он справился с честью. Его легендарные «тридцатьчетверки» выдержали огневое крещение в Подмоскowie, выстояли на рубежах длиной с пистолетный выстрел на Волге при обороне Сталинграда, сокрушили врага в боях под Прохоровкой и неудержимо штурмовали последнюю гитлеровскую цитадель — Берлин, на улицах которого в прорезь прицела открывалась самая желанная, самая долгожданная панорама — победное знамя над поверженным рейхстагом.

Находясь в уральской эвакуации, Лариса училась в женской школе №7 (обучение у девочек и мальчиков было в те годы раздельное), читала на утренниках с неподдельным выражением стихи Лермонтова, в том числе — взрослое, длинное, сложное «Умиравший гладиатор», которое, по ее признанию, помнит наизусть до сих пор. И вырезала из местной газеты патриотические стихи любимой Людмилы Татьяничевой, не думая и не предполагая, что наступит час, и она уже в Москве встретится и подружится с поэтической знаменитостью на много-много лет.

Не в первый раз судьба нас сводит с Ларисой Николаевной во время ее приездов на тамбовскую землю, благодаря другу Васильевой — краеведу, публицисту Анатолию Сергеевичу Трубе. Радость и одно удовольствие слушать замечательную московскую гостью в шумных, подолгу не отпускающих ее студенческих аудиториях технического и гуманитарного университетов областного центра или во вместительном актовом зале Мичуринского аграрного вуза. На раз расходятся книги и аудиодиски писательницы в кулуарах Домов культуры, библиотек, читальных залов во время ее встреч с разночинной публикой. Порой благодарные читатели просят оставить автограф на книгах, издание которых и для самого автора — откровение. Но приятное откровение и по прошествии лет!

Вначале Лариса Николаевна читает свои стихи, с особым вкусом преподнося самое первое из первого же ее печатного сборника лирики «Льняная Луна» (книга тут же была удостоена премии Московского комсомола):

Соткана моя Луна
из зеленых веток хмеля,
из упругих ниток льна
да из русых прядей Леля.
Долго я Луну ткала,
огорчалась, волновалась,
нить за ниткою ткала,
нить за нитью обрывалась...

Потом рассказывает о себе. И поклонники творчества Ларисы Васильевой внимают, как замороженные, ее воспоминаниям о том, как, например, уже в Москве, школьницей, она первый и последний раз в жизни увидела Вождя. Наряжая с лестницы-стремянки новогоднюю елку в квартире Ворошиловых, удостоилась слов самого Сталина, навестившего в тот вечер жилище Климента Ефремовича. Зоркая — она успела разглядеть с лестничной высоты и первую, едва заметную плешь на голове генералиссимуса, и неестественное положение его левой руки — прямо говоря, ту самую сухорукость Всемогущего...

Вскинув глаза на девчонку, Иосиф Виссарионович без улыбки заметил: «Высоко забралась, больно падать будет». Для вождя — тут же забытое замечание вскользь, для адресата — память-рубец на всю жизнь...

Ее начальные стихи, занесенные в тетрадку и тайком показанные тетей Ларисы самой Анне Ахматовой, поэтесса снабдила своими пометками на полях — лестными и нелестными. Это были святые письма великой Анны Андреевны, с которой Лариса так и не решилась познакомиться лично из-за благоговения, преклонения перед гением. Хотя небожитель, как девочке казалось, Анна Андреевна, там же, на полях листиков «в линеечку», четким каллиграфическим почерком сделала приписку: «Меня не бойся, меня тебе не надобно бояться». Находясь под известным партийным постановлением, слова «не надобно» Ахматова сочла нужным подчеркнуть.

Мы беседуем с Ларисой Николаевной наедине в кафе на втором этаже кинотеатра «Октябрь», из высоких и просторных окон которого отлично просматривает-

я вся центральная площадь Мигурина и мраморный памятник знаменитому преобразователю природы. Неспешно беседуем за чашкой чая все то время, пока сын ее — Георгий Олегович — занят неподалеку в старинном Ильинском храме (архитектурной доминанте старого Козлова) осмотром икон, клироса, амвона, беседой со священнослужителями. По профессии музейщик, будучи историком, летописцем современности и в то же время коллекционером «свидетельств древности глубокой», Георгий Васильев никогда не упускает возможности почерпнуть нечто новое, собрать интересующие его сведения от коллег. Наша тема немного иная.

— Лариса Николаевна, расскажите, пожалуйста, об английском периоде вашей жизни, ведь почти шесть лет были отданы туманному Альбиону. Ваш муж как зарубежный собственный корреспондент «Известий» менял в Лондоне Мэора Струа?

— Нет, Олег Сергеевич Васильев прибыл менять Виталия Кобыша, такого же журналиста-международника, который уезжал в Америку. Жили мы, слава Богу, свободно, именно в городе, а не в посольском замкнутом пространстве, а потому могли без проблем встречаться с известными, симпатичными нам людьми, устраивать приемы, на которые откликалась местная пресса. С первым послом отношения были по-настоящему дружеские, человеческие. А со вторым — напряженные, он почему-то считал, что лично я, ни больше ни меньше, посорю его с компартией Англии, хотя я и понятия не имела, где та компартия у них находится. Да и сама, скажу по правде, никогда за свои 80 с хвостиком ни в какую партию не вступала, ни к каким литературным и прочим группировкам не примыкала, посещений университетов марксизма-ленинизма тоже счастливо избегала, считая, что достаточное образование получила на филологическом факультете МГУ.

Англия поначалу давалась мне очень тяжело. Я ее выдерживала не более двух с половиной-трех месяцев, а потом всеми силами рвалась домой, в Москву, ночей не спала, так тянуло в Россию. Уезжала, потом возвращалась и на какое-то время успокаивалась. Олег Васильев был по маковку загружен редакционными заданиями, а я потихоньку стала собирать материал для повествования о Британии, коль уж мы там находились. Родилась книга «Альбион и тайны времени», получившая большой и неожиданный для меня успех — прежде всего у самих англичан. Знаете, хотелось развеять сложившийся и устоявшийся миф о том, что жители Великобритании вообще, а лондонцы в частности, сплошь холодные, чопорные люди, с вечно поджатой нижней губой. Это не так. Никакого я не ощущала в общении с ними ни гонора, ни снобизма. Милые, вежливые, приветливые люди, всегда готовые откликнуться на первое же твое к ним обращение; воспитанные, не упускающие возможности и с малознакомым человеком в подъезде, допустим, перекинуться всего парой фраз о текущей погоде, улыбнуться при встрече, тепло пообщаться, касается ли разговор состояния соседнего скверика или вчерашнего концерта поп-звезды. Странное дело! Но после возвращения в Москву я очень долго ностальгировала об Англии, чего, живя там, и представить себе не могла. Но вот случилось. Люблю Англию по сей день. Что уж было говорить о покойном муже, блестящем знатоке английского языка, литературы, эрудита, настоящего денди и джентльмена, вписавшегося в лондонский колорит со всей мощью своего литературного таланта и чисто человеческим дарованием...

Конечно, за те шесть лет, с 1973 по 1978 годы, различные складывались и житейские, и политические ситуации, не были в диковинку и провокационные моменты с «противоположной стороны», скажу так, не вдаваясь в подробности. Но для нашей семьи, лично для меня ангелом-хранителем, оберегом и, как я его в шутку и всерьез называла «послом доброй воли», оставался прекрасный человек, офицер госбезопасности Яков Константинович Лукашевич, незримо раскрывав-

ший над нами свои крылья и незаметно ограждавший от всех напастей. Поминаю его только добрым, прочувствованным словом.

— **Лариса Николаевна, читатели меня никогда не простят, если я не спрошу Вас о встречах и общении с великими...**

— Да? И правильно сделают! Шучу, конечно. Но вот только как же я смогу рассказать обо всех памятных встречах? Несть им числа, хотя очень многое смогли вместить в себя сборники художественной прозы, поэзии, публицистики, но сколько еще нереализованных заготовок покоится на письменном столе... Впрочем, как и у всех писателей, с тяжелым вздохом окидывающих свое литературное богатство. Я же объездила практически весь бывший Советский Союз, от Сахалина и Курил до Центрального Черноземья. Побывала во множестве стран в составе писательских делегаций, по общественным делам, а в настоящее время — с государственными поручениями как член Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Я уж не говорю о разъездах по своей личной инициативе при работе над книгами.

Конечно, навсегда врезалась в память писательская поездка летом 1967 года в заветную станицу Вешенскую к Михаилу Александровичу Шолохову. Как мы все робели тогда, как сжимались от одной мысли, что будем общаться с живым классиком! Однако, как все по-настоящему великие и умные люди, создатель «Тихого Дона» был с нами на удивление прост и доступен, шутил, посмеивался, вступал в разные разговоры. И в то же время оставался большим человеком с поучительным чувством собственного достоинства во всем — в словах, суждениях, жестах, даже улыбке. Жизнь подарила и радость встреч с героями-космонавтами, прежде всего — с Юрием Алексеевичем Гагариным. Правда, после появления первых же моих материалов о нем молва с ходу приписала мне роман с Космонавтом №1, чему мы немало посмеялись с Валентиной Терешковой. Ох, эти злые языки! Сколько же они преследовали меня и потом, то сводя, то разводя с героями разных документальных произведений. Вот уж поистине издержки литературного производства!

Не сосчитать, сколько прекрасных жизненных уроков получила я от актрисы на все времена — Веры Петровны Марецкой. Это она отговорила меня от идеи поступать в театральный вуз, сказав веско, убедительно: «Ты что, хочешь всю жизнь говорить чужими словами, словами из выученных ролей? Лучше говори свои, ты же пишешь стихи!» Я была дружна с прекрасными поэтами: трижды горевшим в танке фронтовиком Сергеем Орловым, которого всегда считала своим родным братом, с великим умницей, мудрым учителем и наставником в поэзии Сергеем Наровчатовым; немного отвлекаясь, скажу, что Сергей Есенин и названные два Сергея — для меня бессмертный пароль настоящей поэзии, мое любимое мужское имя. Неподражаемым оставался всегда весельчак и великий оригинал Виктор Боков. А сколько света, знаний несли в себе интеллектуалы высокой пробы Борис Слуцкий, Александр Яшин, Михаил Дудин, посвящавший, кстати, мне свои стихи. Что вы! С их уходом такая образовалась брешь, такая пробоина в нашем литературном корабле, которую пока нет, не могут восполнить ни версификаторы поэзии, ни модные подражатели, на слагатели побасенок... Хотя очень хочется верить, что будут у нас и новые Рубцовы, и новые Соколовы, и новые Кузнецовы, и новые Жигулины. Я до сих пор оплакиваю нелепую смерть Коли Рубцова. Какой он был славный парень, как умел дружить... Скромный оставался в общении до застенчивости. Сирота. Со всеми вытекающими последствиями. Я его, помню, корила, когда прочла знаменитое рубцовское:

В горнице моей светло —
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Говорю: «Кляну, почему матушка-то у тебя идет за водой, а не ты, здоровый малый?» — «Знаешь, — говорит, — я об этом и не подумал...» Вот оно, сиротство, жизнь без матери. Николай Рубцов — это вообще отдельная планета. Нет, скорее даже комета, ярко вспыхнувшая и без времени погасшая...

Знаете, я могла бы бесконечно долго рассказывать и о других, как вы говорите, великих. Тем более что мой отец дружил с братом Ворошилова, Петром Ефремовичем, для меня просто дядей Петей. В нашем родительском доме бывали замечательные люди — театральный режиссер Юрий Александрович Завадский, величелюпный человек, актер божьей милостью Ростислав Янович Пляйт, Анна Андреевна Ахматова... Ставьте к каждому из этих имен самые высокие эпитеты — прекрасный, великий, гениальный, не ошибетесь, все будет в точку. Анна Андреевна... До сих пор неизведанный остров, женщина-королева, о которой и моя повесть «Королева без королевства». Сколько ей довелось пережить, какие испытать страшные потери, удары судьбы... Трагическая гибель мужа. Несколько раз сидел в советской тюрьме сын, который был потом и сослан. Сама получила ждановское клеймо «полумонахини, полублудницы». А знаете, к слову, что она сказала после этого, прочитав ждановский вердикт? «Он прав. По-своему. Ему придется за это ответить. В будущем. Я не смогу его защитить перед вечностью».

Вот такая нравственная сила наполняла царственную Анну Андреевну, делала ее прозорливицей и гением литературы.

Мы с вами говорим о классиках прозы и поэзии. Но какие были у меня великолепные педагоги на филфаке МГУ! Все ведь начинается с учителей. Винокуров тут глубоко прав, сказав, будто вырубив на скрижалях: «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» У нас на факультете пел профессор Радциг, актерствовала Кучборская, бубнил Гудзий. Но главным действующим лицом был Николай Иванович Либан, умевший на лекциях «гипнотизировать» студентов своими познаниями, способностью открывать миры, хотя «все-то» старший преподаватель, без степени, но превосходивший по эрудиции и кругозору многих доцентов, профессоров, академиков. Это он учил нас разгадывать тайны старинных летописей, включая «Слово о полку Игореве», по которому и я сделала два перевода с древнеславянского. Он учил нас писать любые диссертации по гуманитарным наукам. Другой корифей — Михаил Трофимович Панченко. Тоже старший преподаватель, только факультета журналистики МГУ. Как и «мой» Либан — человек абсолютно чуждый банальности, умевший и сам проникать, и нас, студентов, вести за собой в тайны мироздания.

Я очень грущу о распаде Советского Союза, о былом братстве литератур. Какие были яркие, солнечные поездки в Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию... Выступления перед прекрасными людьми труда прямо на полях, в цехах, в сельских Домах культуры... И всегда переполненные залы, жадно слушающие писателей, поэтов молодые и пожилые. Мы увидели Азию, восхитились Сибирью, любовались красотами Молдавии, Армении, днепровскими кручами... Но главным было профессиональное братство, духовное единение тружеников литературного цеха, понимающих друг друга с первого взгляда, с полуслова, независимо от пола, возраста, вероисповедования и политических пристрастий... Каждый был личность, каждый умница, каждый талант. Так и стоят в памяти Берды Кербабаев, Лоик Шерали, Мирзо Турсун-заде, Геворг Эмин. Мы с ними встречались и в очию, и на страницах прекрасного альманаха-ежегодника «День поэзии», несколько выпусков которых мне было поручено редактировать, и я с удовольствием помещала там стихи воронежских поэтов, сотрудников очень содержательного, интересного журнала «Подъём», тамбовских, липецких, орловских, курских поэтов. Я с удовольствием переводила на русский язык стихи мудреца Лоика, радовалась

белорусской поэзии Евдоким Лось и Анатолия Вертинского, творчеству украинских друзей Ивана Драча и Бориса Олейника.

У меня ведь тоже национальность получилась интересная: по маме я западная украинка с польскими вкраплениями, по отцу — восточная украинка с курскими вкраплениями. И кто я, скажите? Однажды спросила отца: «Ты кем себя ощущаешь, русским или украинцем?» Он говорит: «Когда пою «Есть на Волге утес», — русским, а когда «Ридна маты моя», — украинцем». Как разделить две братские страны, два славянских народа?

— **Вам задавали эти вопросы сегодня на творческой встрече в читальном зале городской библиотеки...**

— Да. Вы же слышали, я говорила о том, что после распада СССР у нас наступило очень непростое, очень непонятное и тревожное время. Что нужно было считать путчем? Был ли это действительно путч? Кого считать врагом, а кого героем? Как произошла Беловежская вечеря, на которой четверо пожилых мужчин решили судьбы многомиллионных народов, хотя люди из всех сил старались удерживать страну...

Понимаете, мы — славяне. То есть, люди слова, совести, чести. Англичане — люди дела, немцы — тела, ну и так далее, и так далее. Я никому свое мнение не навязываю и не считаю его окончательным. Но! Как верующий человек, как человек пусть и молодой душой, но немало проживший на этом свете, я считаю, что искусственно насаждаемая некоторыми политиками вражда, политический мусор все же отшелушатся, а чистота, совесть, честные отношения братских народов останутся. Даст Бог, сольются вновь воедино страны, связанные общим, по сути, языком, одной историей и пролившие столько крови во имя одной цели — избавления от фашизма...

— **Лариса Николаевна, какие у вас впечатления о Тамбовщине, о первом и единственном в России городе-научнограде аграрно-продовольственного профиля — Мичуринске?**

— Ой, ну везде мне встречаются добрые, распахнутые души. Я очарована пленительным сочетанием новизны и старины Тамбова, города со своим лицом, бурно строящегося, хорошеющего на глазах. Не скрою, очень приятно, что две замечательные девушки, аспирантки ТГУ, пишут кандидатские диссертации по моим книгам и творчеству вообще... С нетерпением жду выхода в свет их трудов. Свежий, не замутненный пристрастиями взгляд со стороны на твою работу — это такой стимул для писателя!

Мичуринск? Городок поразил меня своими улочками-шкатулочками, удивительной этакой кружевной вязью наличников, которые не везде еще сегодня и в провинции увидишь, сохранившейся кирпичной кладкой многовековых каменных стен, подворотен, прежних барских домов. Внушительные храмы, Боголюбский собор... Прелесть! Только бы ничего не порушили, наоборот, сохранять все прошлое великолепии нужно, как музейные реликвии...

Но больше всего меня потрясло посещение с вами вместе и общение с заведующей Домом-музеем Мичурина Людмилой Васильевной... Сколько она сказала? Удивительная женщина! Сорок лет в музее... Сколько она всего и вся знает о Мичурине, его трудах, его семье, его характере... И что ростом он был невелик — метр пятьдесят девять сантиметров, и что глаза у него были очень живые, карие, и что больше всего из еды любил он гречневую кашу, а из фруктов — яблоко «золотая китайка»...

— **Но и Людмилу Васильевну Волокитину смутил ваш вопрос, какая у Мичурина была группа крови... Обещала обязательно узнать...**

— Да. Но, понимаете, вначале я прочитала в одной распространенной книжечке из популярной, народной, можно сказать, серии, а затем сама на бесчисленных

примерах своих и знакомых убедилась: группа крови способна рассказать о человеке все-все, что только можно и нужно о нем знать. Попробуйте — убедитесь сами. В группе крови заключен и генетический код и код-характеристика всех человеческих качеств индивидуума.

Вот тот же Иван Владимирович Мичурин... Скажите, каким надо было быть нравственным человеком, сыном своей страны, чтобы на самые обворожительные, сладкие посулы американцев, немцев, испанцев о переезде в их благодатные края вместе с питомником (фрагтовался под эти цели пароход), где ему будут созданы все условия для спокойной научной работы, все блага бытия, включая фантастическую оплату труда, после некоторых размышлений все же ответить отказом. «Нет, яблонька на чужой земле не приживается»... И в тот же вечер сказать жене: «А приготовь-ка на ужин, Шурунька, тюрю да капни туда ложечку маслица подсолнечного...» Тюря... А мог бы в лучших ресторанах Европы, Америки вкушать ананасы в шампанском, устриц и сыр-рокфор... А он предпочел хлебный квас, зато у себя на Родине... Мне очень жаль, что вот уже отметили 160-ю годовщину со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина, чья жизнь — подвиг, а до сих пор нет о нем полновесной книги в серии «Жизнь замечательных людей»... Правда, не знаю, нужны ли сегодняшним издателям и издательствам такие фигуры, как Мичурин, трудами которого интересовался для обсуждения на Совнаркоме Ленин, которого высоко ценил Вавилов, к которому дважды приезжал к вам сюда, тогда еще в Козлов, Калинин, и на смерть которого скорбной телеграммой соболезнования откликнулся Сталин? Мичурин... Человек, еще при жизни которого город получил его имя, а вся страна — массовое движение по озеленению городов и сел, то есть, юных мичуринцев, а весь мир — основы научного садоводства...

— Лариса Николаевна, по некоей ассоциации хотел бы спросить, а кремлевские жены были привередливы к столу, нарядам, вообще к светской жизни? Вы же первооткрыватель на планете «бархатного занавеса» над литературным жанром такого рода...

— Прежде я хотела бы сказать, что женщины XX века вообще начали делать то, что их предшественницы в XIX веке никогда не делали. А именно: преподавать в школах и вузах, успешно лечить, конструировать, моделировать, строить, даже участвовать в политической борьбе, увы, революциях и терактах. Открывая для себя, а, значит, и для читателя жен Ленина, Сталина, Молотова, Буденного, Кагановича, Брежнева и других видных государственных, политических деятелей, я каждый раз словно входила в новую реку, где уже на стремнине надо было решать, в какую плыть сторону — левую или правую, как подавать на страницах книги их неповторимые характеры, нравы, особенности... Сразу скажу, что самым сильным открытием стала для меня личность Надежды Константиновны Крупской, о подлинном масштабе жизни и деятельности которой у нас если и знают, то крайне мало. А он если и сопоставим, то разве что с жизнью и деятельностью всемирно известной женщины-ученого, физика, химика, педагога, общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии за открытие важнейших радиоактивных элементов Марии Склодовской-Кюри.

Я прочитала все 11 томов педагогических трудов Крупской и смело могу утверждать, что и сегодня они могут быть востребованы, не утратили своей актуальности. Такой она обладала ясностью ума, дальновидностью, кругозором. В молодости Надежда Крупская была удивительной красавицей: полные губы, брови взлет, тонкий стан, длинная девичья коса, румянец во всю щеку... К сожалению, разыгравшаяся с годами «базедка» не дала ей возможности иметь детей...

В Надю-Наденьку был страстно влюблен революционер Виктор Курнатовский, пожелавший перед ранней своей, неожиданной смертью увидеть только ее, и она примчалась проводить его в невозвратный путь...

Надежда Константиновна всегда была рядом с Лениным, во всем помогала ему, сама очень много работала, вплоть до последних дней. И умоляла вождя похоронить мужа по христианскому обряду и обычаю, на что тот ответил ей непрекращаемым тоном, на грани грубости. И тот злополучный торт, присланный Сталиным лично от себя на ее день рождения... Много еще тайн осталось нераспечатанными, они ждут новых исследователей.

А в целом — несчастными были кремлевские жены, пожалуй, все, без исключения. От дорогих нарядов и обуви шкафы ломаются, а выход в них — три-четыре раза в год на большие революционные празднества. Кремлевский продовольственный паек получают такой, какой и не снился фабричным труженицам, но широкое семейное застолье с приглашением сельских, скажем, родичей из «глубинки» не устроишь: каждую кандидатуру нужно заранее согласовать где следует. А кто его знает, что там с годами стало с той или иной «кандидатурой», может быть, он (она) куда-то не туда переметнулись... И кто тогда ответит перед партией и народом, перед Батькой лично за их несправедливые деяния? В общем, птицы в золотой клетке, да еще с обетом молчания на устах. Благо, некоторые жены дожили до той поры, когда стало можно уста разомкнуть... Но все равно мучительно трудно давались мне беседы с Ашхен Микоян. После пережитых известных событий в Венгрии, где послом СССР в те трагические месяцы был ее муж, Юрий Владимирович, надолго замкнулась в себе Татьяна Петровна Андропова...

Но вы вот спросили меня о женщинах Кремля XX века. А если заглянуть еще глубже, в толщу веков? Ведь первой хозяйкой Кремлевских палат была жена Дмитрия Донского, светлейшая княгиня Евдокия Московская, мать двенадцати детей, с чьим именем связано появление в Белокаменной иконы Владимирской Богородицы. Это она сажала на престол всех условных Рюриковичей, Романовых. У нас вот стали с недавних пор отмечать как День семьи, любви и верности праздник в честь бездетных монахов Петра и Февронии, а что же не в честь великого полководца Руси Дмитрия Донского и его верной супруги? Она достойно и уверенно, подавая пример иным женам, провожала мужа в сентябре 1380 года на Куликовскую битву с войском беклярбека Золотой Орды Мамаю на реку Непрядву, на Мамаево побоище. И без жалоб и ропота оставалась сама растить, воспитывать детей, вести огромное кремлевское хозяйство, заниматься благотворительностью, помогать страждущим, уделять должное внимание церкви... Может, кое-кто из наших геральдистов недостаточно полно знает историю Государства российского?

* * *

А теперь в дополнение к характеру героини краткие штрихи.

Лариса Кучеренко никогда не была в школе отличницей.

Лариса Васильева возмущается тем, что в Москве нет памятника третьему великому поэту России Николаю Некрасову, однако «без очереди встали в ряд памятники Иосифу Бродскому и Булату Окуджаве».

Она считает самыми серьезными поэтическими именами, проверенными временем, Ярослава Смелякова, Бориса Слуцкого, Сергея Наровчатова, Сергея Орлова, Владимира Соколова.

Она по-своему влюблялась в мужчин, прежде всего оценивая их профиль. И первым таким кумиром стал для нее, 13-летней девчонки, герой войны 1812 года Петр Багратион, которому хранила верность с шестого класса до выпускного, десятого, пока не появился некто реальный, снявший плену грёз с девичьих очей.

Ее «Кремлевские жены» были изданы на разных языках в 80 странах мира. Но лишь из Японии и Турции Лариса Николаевна получила от издателей небольшие гонорары. Все остальное увидело свет пиратским образом, без заключения положенных договоров с автором книги.

Ее любовь к отцу выразилась, в отличие от поэтической лирики, написанной нежным лебединым пером, в орлином, стальном, историческом оперении при описании танковых сражений. Надежным соавтором трех соответствующих книг оказался военный специалист полковник Игорь Желтов, знающий о танковых эпопеях с участием Т-34, наверное, больше кого бы то ни было.

Овдовев 23 года назад, Лариса Николаевна больше замуж не выходила, сосредоточив всю свою любовь на сыне — таком же блестящем знатоке английского, каким был отец, на его семье и деятельности танкового музея, расположенного там, в том направлении, откуда после знаменитого военного парада в октябре 1941-го грозным боевым машинам предстоял тяжелый путь на оборону Москвы.

Она встает очень рано. Ежедневно по утрам, не изменяя давно установившейся традиции, производит холодное обливание, норма — три ведра. Мало ест, старается, когда не пишет, больше двигаться и очень много работает. Лариса Николаевна уже видит названия своих новых книг, сборников, томов: «Древние напевы», «Музыка и музы» (сколько же всего — не поверхностного, не дилетантского — надо знать на этот счет!), «Легенды о Ленине», выплывающие из «кремлевских» книг. Уже начат ею основательно подзабытый в нашей литературе жанр путешествий. Свидетельство тому книжная новинка «Путешествие друзей с врагами». Еще ей хочется обязательно написать сценарий 8-серийного телевизионного фильма «Вера» — о Вере Марецкой, она уже работает над ним со всей творческой самоотдачей, на которую только способна.

И это не все. Поджимают личные творческие планы в создании повести о выдающейся женщине Марии Бланк-Гропшоф, воспитанной на книгах Герцена и Чернышевского — матери Александра и Владимира Ульяновых.

А как не создать литературный портрет Анны Ахматовой, чьи стихи она готова приводить и цитировать до бесконечности...

В честь Ларисы Васильевой одной из звезд в созвездии Стрельца несколько лет назад было присвоено ее имя, что подтверждает авторитетный сертификат за подписью летчика-космонавта Германа Титова.

Она пишет обычно лежа в кровати, утешая себя тем, что такая же вредная привычка была и у Пушкина.

У нее «тяжелая рука», и дачные растения, ею посаженные, как правило, долго не живут, загибаятся.

Она в свое время довольно интенсивно курила, потом бросила, как отрезала. Без возврата к пагубной привычке.

Она легко может сказать о себе: «Объясните мне, пожалуйста, в силу моего невежества то-то и то-то...» Это автор почти 50 книг — захватывающих романов, повестей, рассказов, эссе, стихов, публицистики — «невежда»?! Лариса Николаевна преподавала в Литературном институте и в Ноттингемском (Англия) университете. Она составляла, редактировала сборники молодых поэтов и по-прежнему равнодушна к творчеству начинающих, отыскивая среди них наиболее даровитых...

Имя яркой звезды на небесах — Лариса Васильева. Поэта и прозаика на святой и грешной нашей Земле — Лариса Васильева. А сама о себе она говорит предельно ясно и понятно:

Я главного слова еще не сказала,
Грядущего с прошлым узлом не связала,
А, значит, меня не догнали года,
И я — молода!

Побудьте рядом с Ларисой Николаевной хотя бы полчасика-час, и вы убедитесь, что ее молодость — факт бесспорный. Обсуждению, отрицанию, обжалованию не подлежит.